Война, ковид, допинг. Эвакуация, недоверие, угрозы. Олимпиада, медали, гимн. Статистика, демография, катастрофа. Цифровизация, контроль, дистанция... Ряд таких триад можно продолжать долго. Таких вальсов нынешний фестиваль хаоса наигрывает бесконечно много. И всеобщего критерия для оценки, для ориентации, для мироощущения, для поведения всех нас в этой какофонии хаоса, кажется, нет...

Безусловно, все можно свести к самым фундаментальным первоначалам — Свету и Тьме, Космосу и Хаосу, Высшему Абсолюту и его амбициозному антиподу. Строго говоря, объяснительный и мотивационный ресурс этих категорий неисчерпаем и даже достаточен. Но между конкретной во времени, пространстве, обстоятельствах и клубках людских взаимодействий ситуацией и абсолютными истинами есть «темная зона» знаний и неведения, известного и неизвестного, явного и сокрытого. В условиях, с одной стороны, информационного потопа, когда за считанные годы удваивается объем доступной каждому информации, с другой — в принципе неизменившейся радикально природы человека, разве что колоссально увеличилось мировое народонаселение, создав глобальный «человейник» с его ноосферой, развернувшейся совсем не по надеждам В.И. Вернадского и Тейяра де Шардена, понимание «истины» и «лжи», понимание «правды» претерпело пока слабоосмысленное изменение. Оно отразилось в части мира крикливых утверждений в том, что называется постправдой, а в науке логики развилось в особое направление — релятивистские логики. Грубо говоря, речь идет о том, что во множестве утверждений имеются не только истинные и ложные, но и относительно истинные и относительно ложные. В политике и идеологии это наиболее ярко отразилось в прецеденте оценки деятельности «Великого кормчего» — 70% положительного и 30% ошибочного.

Александр Агеев
www.ageev.net
DOI: 10.33917/es-1.181.2022.5

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ

Данное обстоятельство, опирающееся на новые виды математики, квантовую механику, теорию сложности, синергетику, требует высочайшей культуры оперирования в практических, прикладных ситуациях. Даже известная формула, скорее целая философема, «цель (не) оправдывает средства», смотрится иначе в релятивистских логиках. Контексты, в которых это становится не абсолютным императивом, все больше, они все динамичнее, столкновение разных пространств и полей все критичнее... Так, реакция государств на патогенный вирус показала невероятную пластичность общественных устройств, чреватую рисками чудовищных манипуляций. И социум, глобальный и национальный, продемонстрировал весьма противоречивое, вплоть до взрывоопасности, разнообразие.

Но существеннее то, что социумом и государством не исчерпывается современная реальность жизни. Дело не в причудах царства вирусов, имеющего свои законы и цели сожительства с людьми и другими сущностями. Дело и не в становлении нового киберфизического мира. Дело и не в становящемся все ближе к житейским хлопотам планеты космоса с его тайнами, «эмиссионными туманностями», астероидами и т.д. Главное — в сочетании всего этого в текущей реальности бытия, что оборачивается обычно «непредсказуемым стечением обстоятельств», и в наличии потенциала и намерений людей устроить какой-нибудь Армагеддон, как бы его ни называть — «Новый дивный мир» и т.п. А «ради чего» — бездна вариаций... И «музыка сфер» — все громче...

За всем этим стоят не только интересы и не только их интерпретации. Игра. Великая, азартная. Настоянная на непреодолимой страсти, на грани и за гранью патологии. Игра эта опирается помимо прочего на одно из ярчайших достижений науки XX века — теорию игр и особенно — на теорию рефлексивного управления.

Однако не о том ли нас предупреждали немногие, но отнюдь не единицы?